

Книги Андрея Васильева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«А. СМОЛИН – ВЕДЬМАК»

**ЧУЖАЯ СИЛА
ЗНАКИ НОЧИ
ТЕНЬ СВЕТА**

Цикл
«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ЧЕРНАЯ ВЕСНА**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТЕНЬ
СВЕТА

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1145

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Тень света: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2816-8

Говорят, что после двадцати человеку уже не очень свойственно меняться как личности. Может, оно и так, но вот только к начинающему ведьмаку Александру Смолину это утверждение, пожалуй, не относится. С тех пор как он окунулся с головой в тайны мира Ночи, его жизнь только и делает, что выкидывает одно колечко за другим, что не может не наложить свой отпечаток на этого ранее доброго и безобидного парня. Вот только вопрос — в кого он превращается и кем станет в итоге?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2816-8

© Андрей Васильев, 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Все персонажи выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, названиями мест, банков, телепроектов, а также с любимыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями — не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор этой книги тоже будет ни при чем.

ГЛАВА 1

— Нет, приворотом я не занимаюсь, — устало сказал я благоухающей дорогой парфюмерией даме, сидевшей напротив меня. — Не мое, извините. Это вам к соответствующим специалистам надо обратиться, профильным. Вот они вам точно помогут. Ну или сделают вид, что помогли. В кольцо иглой потыкают, заговоры пошепчут, фотку коварной разлучницы ленточкой траурного цвета перевяжут — короче, все как надо оформят. Что сработает эта хренотень, не поручусь, но вам точно спокойней станет.

На самом деле я врал. Ну не то чтобы совсем уж врал, точнее будет сказать — кривил душой. Кое-что для этой женщины я сделать мог, вот только вышла бы ей моя помощь боком, и сильно. Была в моей книге одна заметка под названием «Присуха сердешная», была, чего скрывать. Но когда я прочел, к каким именно последствиям ведет это, назовем его так, заклятие, то сразу для себя решил: подобные игры проходят без моего участия. Ну на фиг такие забавы.

Само по себе заклятие было несложное, в плане исполнения, имеется в виду. Незамысловатые компоненты, не слишком труднопроизносимое заклинание, да и последующая реализация самая что ни на есть примитивная — сыпани порошок в еду и жди результата.

Вот только снять это заклятие потом почти нереально. Тот, кто порошок скушает, потом от своего избранника или избранницы не отвяжется вовек. В книге так и было написано: «Томление любовное все прочие мысли закроет, только образ один в голове у того человека будет, и прочая жизнь для него существовать перестанет. Если же его амант или аманта кого другого

предпочтет, то беда великая случиться может, и даже со смертоубийством, потому как видеть предмет дум своих в чужих руках для той персоны боль нестерпимая есть». И еще полстраницы на ту же тему, как предупреждение — не стоит играть с любовью, хорошего от таких забав не жди.

Причем автором этого заклятия выступил, против моих ожиданий, не шаловливый Митрий, большой любитель плотских забав, а Митрофан, Евстигнеев сын, изрядный буквоед и зануда. С какого перепугу он этим вопросом заинтересовался — понятия не имею. Хотя могу предположить, что кинулся он в данную степь после того, как понял, что естественным путем ему какую-нибудь селянку в себя не влюбить. А может, сам в кого втрескался настолько, что пошел на подобное ухищрение.

Кстати, это была последняя запись, сделанная Митрофаном в книге, по крайней мере из тех, что в ней имелись на сегодняшний день. Не исключено, что все и на самом деле для него плохо кончилось. Я пытался узнать у Родьки, что же там произошло (интересно ведь), но тот только делал круглые глаза да бормотал нечто невнятное. Хотя, ради правды, он вообще очень неохотно рассказывал мне подробности бытия своих прежних хозяев, за исключением, пожалуй, только последнего, того, кто мне свою силу передал. Как видно, был у него свой кодекс чести, не позволяющий выдавать тайны тех, кто уже ушел из этой жизни.

А может, такова была его природа изначально, поди знай.

Короче — не собирался я практиковать любовную магию. И даже тот факт, что в данный момент передо мной сидела супруга ну очень небедного, я бы сказал, влиятельного человека, для меня ничего не решал. Лучше получить прямо сейчас небольшую проблему в виде резких высказываний раздраженной женщины со следами былой естественной и текущей хирургической красоты на лице, чем потом глобальную беду с возможными уголовными последствиями. Да еще и почти неразрешимую. Когда у ее мужа начнет крышу сносить от беспричинной ревности и он установит за ней тотальный контроль, то она ведь ко мне прибежит с воплями: «Вертай все взад». А я только руками и смогу развести — снять-то это заклятие возможным не представляется. Точнее — это очень, очень трудновыполнимо. Там жертва нужна будет, и не какая-нибудь курица или другая

мелкая живность. Его придется переводить на другого человека, и человек этот, считай, смертник. Выпьет его сила заклęcia за год или даже быстрее, потому как не под него оно делалось.

Не скажу, что я сильно высокоморальная личность, но подобные грехи на свою душу брать пока не готов.

А вот еще интересно. Подобные заклęcia у ведьм такие же, как у нас, ведьмаков? По исполнению и механизму действия? Имеется в виду, у настоящих ведьм, вроде Дары и ее подруг, а не мутных дамочек с хрустальными шарами, черными париками и в пестрых одеждах.

Буду снова в Лозовке — непременно у нее поинтересуюсь. Не факт, что случится это скоро — на дворе дождливый октябрь, ветер срывает с деревьев еще совсем недавно зеленые, а теперь бурые листья, и все лесные дороги наверняка развезло так, что на тракторе не проедешь. Тут, боюсь, даже тамошний лесной хозяин дядя Ермолай не поможет.

Даре-то что, она летать умеет. А вот я — нет.

Кстати, когда мы в самом конце лета все-таки нагрянули в Лозовку, я еще раз сподобился увидеть приснопамятный «полет валькирий», правда, в этот раз лихой ведьмовской воздушный эскадрон оседлал метелки. Как видно, в вылазках на дальние расстояния без них не обойтись. Как мне потом объяснил вечно сумрачный Пал Палыч, коллега Нифонтова, последний день лета не только для русалок является знаковым, но и для разной другой нежити и нечисти старославянского разлива. Они в этот день что-то вроде Нового года справляют. Нет, про нечто подобное я и сам знал, в смысле — читал. Наши далекие предки этот праздник не зимой справляли, а в сентябре, в день осеннего равноденствия. В принципе, логика в этом имеется. Урожай убран, мороз еще не ударил, и даже если до бровей медовухой наберешься, а после под плетнем заснешь, то все равно не замерзнешь насмерть. Самая погодка для праздника.

Но то — люди, они во всем найдут практический смысл. Те же, кто живет в мире Ночи, менее привязаны к простым радостям Земли, и у них своя логика. Которую, к слову, я пока не всегда могу постичь.

Потому я так и не понял, чем последний день лета отличается от первого дня осени, кроме, естественно, календарных значений, но сильно по этому поводу и не расстроился. Зато на за-

кате все мы созерцали полет ведьм, которые с гиканьем сначала поносились над притихшей Лозовкой, а после стремительно помчались куда-то в сторону Можайска и вскоре скрылись из вида.

— И ведь знали, что мы на них смотрим, — заметил Пал Палыч. — Специально шоу устроили, чтобы понятно было, кто здесь настоящие хозяйки. Мол — при нас наша мощь, вот, ничего мы не боимся и, если надо, всем покажем, что такое настоящая сила и злоба природной ведьмы. Терпеть ненавижу.

Если бы Дарья Семеновна сейчас услышала его, то, полагаю, ей стало бы не по себе. И уж точно она поостереглась бы плевать нам вслед, как тогда, когда мы по приезде встретили ее на деревенской улочке. Сто пудов, случайно встретили. Как же еще?

Я сдержал свое слово и прихватил Нифонтова с Мезенцевой с собой в Лозовку. Что до Пал Палыча — о его участии в вылазке меня поставили в известность по факту, прямо на Белорусском вокзале. Так сказать, явочным характером.

Впрочем, я ничего против такого знакомства не имел, поскольку Пал Палыч мне пришелся по душе сразу, с первого же взгляда. Да и неудивительно — я о нем много чего от Николая слышал.

Был он невысок и на вид не слишком-то крепок физически, но при этом исходила от него некая внутренняя сила, которую субтильные граждане вроде меня ощущают безошибочно, а после грустно вздыхают, осознавая, что им подобного результата в жизни не добиться. Ну вот не дано. Все верно древние римляне говорили о Юпитере и быке.

В общем — авторитетный товарищ. Даже вечно всем недовольная Мезенцева сразу замолкала, как только этот человек не то что цыкал на нее, а просто даже бросал строгий взгляд.

Да что Мезенцева! Пал Палыч моего строптивого домового Антипку, который проявил недовольство неожиданным нашептом в его пенаты незваной группы лиц, на место поставил сразу же.

— Домовой чудит? — коротко спросил он у меня, как только с печки на пол слетели какие-то котелки и жестяные тарелки, несомненно сметенные рукой вредного домового, дождался

утвердительно кивка и деловито буркнул: — Непорядок. Так не пойдет.

После этого сотрудник отдела 15-К подошел к печке, стукнул по ней кулаком и негромко произнес:

— А ну, давай заканчивай. Или живо отправишься на ближайшее болото пиявок пасти и кикиморе по утрам с кувшинок росу собирать. Или на луг, полевому в слуги, кузнечиков гонять. Еще раз себе такое неуважение к хозяину и его гостям позволишь, я не поленюсь, вспомню заговор на запираание порога и в ход его пушу. И не надейся, что я покон не знаю. Все как надо сделаю — и у хозяина твоего разрешения на то спрошу, и веник конопляный отыщу. Вон хоть бы у ведьм местных позаимствую. Ты меня понял?

Родька, которого я прихватил с собой, тихонько охнул и приложил лапы к ушам, так на него подействовали слова оперативника. Кстати, он этой троицы совершенно не стеснялся и шастал по дому в их присутствии абсолютно без смущения. Да и то — было бы кого? У них теперь в отделе его соплеменник обитал, и Родька про это был в курсе.

Так вот — мой слуга охнул, на чердаке в тот же миг что-то грохнуло, и больше Антип о своем существовании за все время, что мы гостили в Лозовке, нам не напоминал совершенно.

Это впечатлило меня настолько, что я даже не сразу нашелся что сказать. Я! Профессиональный банковский служащий, который языком метет как дворник метелкой. Да и на этой темной стороне бытия я тоже кое-что повидал, вроде как удивляться уже не по рангу. Звучит тщеславно, но тем не менее.

И все равно — силен оперативник. Ох силен!

— А что за «запираание порога» такое? — опередила меня Женька. Просто я тот же самый вопрос хотел задать.

— Самое жуткое для домовых заклятие, — охотно ответил Пал Палыч, усаживаясь на лавку. — Изгнание из дома. Причем не из какого-то конкретного, а из всех вообще. Оптом. И из изб, и из иглу, и из вигвамов. Он после этого ни в одно жилье войти не сможет. Порога не увидит. А если нет порога, то нет и двери. Для него любой дом будет как сплошная стена, через которую не пройдешь. И все что останется — до бесконечности скитаться по дорогам или к кому-то из нечистых в услужение идти, а после тянуть эту лямку до второго пришествия. Домо-

вой вне дома даже умереть не сможет. Вся его жизнь — четыре стены и крыша, это альфа и омега. И умирает он или на службе этому дому, или вместе с ним, когда тот люди бросают насовсем. А если у него крова нет, то и смерти ему нет. Разве только колдун какой прибьет ради смеха. Ну или его требухи — отдельные части домовых наверняка в какой-нибудь черной волшбе да используются. Я как-то читал книгу одного такого колдуна — исплевался весь. Такая мерзость, даже по их меркам...

— А если самоубийство? — любознательно поинтересовалась Евгения. — Ну там в петлю или еще чего?

— Они не люди, — покачал головой оперативник. — И такой глупостью в отличие от нас не занимаются. Им даже в голову не придет никогда подобное.

В общем, Пал Палыч сумел меня впечатлить.

Вот только даже он, при всей своей опытности, против дяди Ермолая слабоват оказался. В тот же вечер, когда ведьмы устроили нам воздушное шоу, мы все, как и собирались изначально, отправились на реку, посмотреть на русалочки и грища. Я вполне легально, поскольку был приглашен, а вот трое сотрудников отдела — незваными гостями. Правда, на берег они и не собирались вылезать, хотели на все это глянуть издалека, из кустов, которых близ берега было предостаточно. Я их не винил — действительно ведь интересно. Тем более что русалок даже матерый Пал Палыч за свою жизнь видел только дважды, причем, похоже, оба раза при не слишком приятных обстоятельствах. Каких именно, он не рассказывал, но по усмешке было ясно — те еще истории были.

Вот только до речки, которая текла чуть ли не за моим домом, ни один из сотрудников отдела не дошел. Они в буквальном смысле заплутали в трех деревьях. Между околицей и рекой стояла березовая рощица, жиденькая до невозможности, она насквозь просматривалась. Только вот рощица эта смыкалась с лесом, то есть находилась в юрисдикции дяди Ермолая. Проще говоря — это были его владения, в пределах которых он мог творить что угодно.

И сотворил. Я даже не понял, когда троица сыскарей пропала из вида, да и они не разобрались потом, в какой момент миниатюрная березовая роща стала густым буреломным лесом.

В результате на берег реки я пришел один, а Нифонтов со товарищи чуть ли не до рассвета по ельникам круги нарезали. Лесной хозяин дал им возможность выйти к деревне только тогда, когда я вернулся домой. Уже на рассвете.

Не захотел он, чтобы посторонние видели то, что для их глаз не предназначено. А я, получается, для них уже свой, и это здорово.

Или, наоборот, все довольно невесело? И права Женька была, когда сказала, что отныне не совсем я уже и человек? Может, и правда я стал неким промежуточным звеном в эволюционной цепи всего сущего? И теперь меня можно выставлять в Дарвиновском музее и вешать рядом табличку «Ведьмак-недоучка обыкновенный».

Хотя лично я в себе никаких таких изменений не обнаруживаю. Зрачки вертикальными не стали, когти не растут, шерсть тоже, ем, пью и сплю, как раньше. Все то же, что и было.

Ну кроме разве одного. Еще в начале лета мне бы и в голову не пришло пойти куда-то на реку, чтобы посмотреть на танцы русалок. Точнее — подобное я даже и представить себе не мог. Просто потому, что русалки для меня тогда были не более чем частью фольклора, который я, признаться, особо и не знал. Да и кто сейчас, в наше продвинутое время, интересуется бабушкиными небылицами? Реальность, окружающая нас, современных людей, нереальнее и фантастичнее любой, даже очень заковыристой, сказки.

Только вот от того, что мы перестаем верить в тех, кто живет на другой грани бытия, и даже забываем про них, они существовать не перестают. Более того — так мы делаем их существование комфортней, особенно для тех существ, которые рассматривают человека как добычу. Если, к примеру, оборотень схарчит кого-то, его точно никто искать не станет. Он ведь не более чем сказка. Ну или кинематографический персонаж. А пострадавшего просто собаки погрызли. Бывает.

Впрочем, обитатели моего нового мира и сами не сильно стремятся лишний раз пересекаться с людьми. Не просто же так дядя Ермолай ту троицу по лесу закружил? Я так понимаю, что не все происходящее вообще предназначено для посторонних глаз, даже при условии, что эти зрители кое-что знают про мир Ночи.

А зрелище было завораживающее. Ополовиненная луна светила так ярко, что казалась полной, дорожка, которую она прочертила на зеркально-тихой глади реки, была настолько явственна, что возникало ощущение, будто по ней и в самом деле можно пройти и не утонуть.

Русалки, по крайней мере, кружились в танце по ней так же легко, как ночные бабочки порхают вокруг горящего фонаря. И то, что каждая из них слышала какую-то свою музыку, а для меня данное действие происходило в абсолютной тишине, которую не нарушал даже плеск волны, ничего не меняло.

Танец речных дев завораживал, их молочно-белые тела изгибались одновременно и девственно непорочно, и невероятно вульгарно. По идее, две эти категории не могут сочетаться, но вот же — есть.

Причем если танец этот изначально для каждой был свой, то постепенно в нем появилась слаженность. Одна за другой русалки начинали двигаться синхронно, одномоментно поднимать руки к небу, а после дружно опускать их к воде, которая чем дальше, тем сильнее отливала серебром. У меня в какой-то момент возникло ощущение, что они танцуют на раскаленной ртути.

— Вот и еще один год прошел, — раздался у меня за спиной голос, а после на песочек рядом со мной опустился, побряхтывая, дядя Ермолай. — Сейчас девки свое отпляшут и до следующей весны под воду уйдут, дрыхнуть. Потом лист облетит, а там и до «белых мух» рукой подать. Ты-то что, в городе зимовать думаешь? Или сюда переберешься?

— В городе, — не стал скрывать я. — Тут зимой жить привычка нужна. У меня пока такой нет.

— А и правильно, — против моих ожиданий сообщил мне лесной хозяин. — Всею свое время. Коли тебя пока к от дому этому не тянет, так нечего себя переламывать да жить так, как до тебя все остальные ведьмаки жили. Ежели это не твое, так что же тебе теперь тут костыми лечь? Времена изменились, парень, времена изменились. И мы меняться должны, иначе смерть. Не все, правда, это поняли и приняли, но то не моя печаль. Я для себя все уже решил.

В корень зрит дядя Ермолай. Я о том же сегодня днем думал. Там, в офисе, мне Лозовка казалась тем местом, где можно

остаться жить навсегда. Здесь тишина, покой, солнышко светит, птицы поют, шмели жужжат.

Вот только лето — оно не вечно. Я вот когда предыдущей ночью ночевал на чердаке и продрог до костей, тогда понял, что зимой мне здесь небо с овчинку покажется. Прав был Вавила Силыч. Городским людям сельское бытие только из теплой квартиры с центральным отоплением прекрасным кажется. А запихни их в деревенский дом в январе, так и сдохнут они на хрен без тепла, воды и еды. Потому что забыли те простые способности существования, которые для наших предков были нормой жизни. За ненадобностью забыли.

И я тоже все забыл. Точнее — и не знал.

— Покон, правда, прежний остался, и ты про это помни. Крепко помни, — продолжал вещать дядя Ермолай. — Живи по нему, и тогда, может, следующим летом увидимся. В мае приезжай, я тебя на одну делянку отведу, там как раз под Ивана Купалу разрыв-траву можно найти будет.

— И еще цветение папоротника посмотреть неплохо бы, — припомнил я Гоголя.

— Чего? — удивился лесной хозяин. — Ерунда какая. Парень, папоротник не цветет. Никогда.

— Ну а как же... — начал было я, но махнул рукой и снова уставился на русалок, танец которых тем временем, похоже, приблизился к финалу.

Все они в какой-то момент застыли на месте, протянув руки к нестерпимо ярко сияющей луне, и дружно прокричали какие-то слова, разобрать которые я не смог, поскольку это был совершенно неизвестный мне язык. Да и не факт, что это вообще была человеческая речь.

А после русалки исчезли, только круги по водной серебряной дорожке пошли. Были они — и нет их.

— Вот и все, — сказал дядя Ермолай, стянул с головы старомодную замызганную кепку-восьмиклинку и погладил короткопалой рукой лысину, обнаружившуюся под ней. — Скоро и мне лес к зиме надо начинать подготавливать. Оно, парень, всегда так — первыми ко сну речные девки отходят, опосля полевые в норы забиваются, потом, стало быть, болотный хозяин чаруса закрывает, а после и моя очередь приходит.

— А ведьмы? — полюбопытствовал я. — Они чего зимой делают?

— Ведьмы? — Дядя Ермолай хохотнул. — Этим закон не писан, им что зима, что лето, все едино. Разве что в сорок они по холодному времени не перекидываются. Лапы у них тогда мерзнут сильно.

— Ой, блин, — вспомнил я внезапно о подарке, который привез из Москвы русалкам, да так и не отдал. — Гребешки-то! Они ж просили, я специально купил и запомятовал!

Открыв рюкзак, который я положил рядом с собой на берегу, я достал пакет с разноцветными длиннозубыми расческами. Продащица в магазине заверила меня, что это те самые «гребешки» и есть.

— В воду бросай, — посоветовал мне лесной хозяин. — Поверь, речные своего не упустят. Ну а спасибо они тебе следующей весной скажут. Да и не за нее ты, чай, старался?

— Конечно нет, — подтвердил я, а после сделал так, как он мне посоветовал, то есть выгреб гребешки из пакета да и отправил их в реку, постаравшись размахнуться посильнее. — Только ведь это пластмасса, они ж небось не утонут даже.

Гребни плеснули по воде и, против моих ожиданий, моментально пошли ко дну. Или их просто кто-то с поверхности сразу расхватал?

— Странно, — сказал тем временем дядя Ермолай. — Девки нырнули, а водная тропа не погасла. Что за... А-а-а! Понятно.

Посреди лунной дорожки, которая и на самом деле не пропала, взбурлила вода, а после появилась одна из русалок, та самая Агляя, которая меня сюда и пригласила.

— Вон оно чего, — огладил бороду дядя Ермолай — Ну, парень, вот тебе и загадка, которую, кроме тебя, никто не решит. Как ни поступи — все одно не поймешь, верно или нет сделал. Ты, главное, помни: русалки — не упыри, тебя с собой на ту сторону не утащат. Ладно, пойду я, на твоих приятелей гляну, как они там, в лесу, себя ведут. Не ровен час, еще на проклятый клад набредут да выкапывать его начнут.

Он хлопнул меня по плечу, ухмыльнулся, глядя на Агляю, которая не торопясь брела по лунной дорожке к берегу, и беззвучно нырнул в кусты, что росли неподалеку от нас.

— Телепортация как она есть, — негромко произнес я, понимая, что сейчас дядя Ермолай уже не здесь, на берегу реки, а где-то посреди своего леса.

Я тоже так хочу уметь. Но — не судьба. В мире Ночи закон «каждому свое» выполняется безукоризненно. Ведьмы умеют летать и портить окружающим жизнь, русалки — топить беспечных граждан, зыбочник детей пугает, полуденица следит за соблюдением селянами норм трудового законодательства, а я, ведьмак, с мертвыми общаюсь в соответствии со своей узкой специализацией и зелья варю по мере сил. Кому что поконом предписано, тот то и делает.

Аглая тем временем уже добралась до берега и теперь стояла напротив меня. Кожа у нее стала куда бледнее, чем тогда, в начале августа, да и вообще в ней некая полупрозрачность появилась. Если в прошлый раз иных из русалок от обычных женщин было не отличить, то теперь сразу было ясно, что эту красотку мало что связывает с привычным тварным миром.

— Ты пришел, — улыбнувшись, негромко проговорила Аглая.

— Так обещал же, — подтвердил я. — Да и здоровались мы уже. Еще до того, как вы пляски на воде устроили.

— Ты сможешь мне уйти? — требовательно спросила русалка.

Все как всегда. Мне задают вопрос, ответ на который я дать не могу, поскольку не очень понимаю, о чем меня спросили.

Хотя тут слово «уйти» множественности значений и не подразумевает. Надоела девушке русалочья жизнь, выходит.

Вот только она не мертва. Она не дух, я не смогу ее отпустить. Ну да, живой ее не назовешь, но даже та нежизнь, что в ней сейчас есть, уже достаточна для того, чтобы не считать ее моим клиентом.

— И что надо сделать? Ну чтобы ты ушла? — уточнил я. — Просто у меня профиль другой...

— Люби меня, — перебила меня Аглая, приложив ладони к моей груди. Холод, исходящий из них, моментально проник сквозь ткань. — Отдай мне часть своего тепла, мне нужно всего мгновение, чтобы ощутить себя живой, и тогда моя душа отправится за кромку. Навсегда. Навеки.

А вот теперь, дядя Ермолай, я понял, почему ты так хмыкал. Задача-то и вправду не из простых. Но спасибо тебе уже за то, что дал понять одну очень важную вещь — моя жизнь Аглае не нужна. Если бы не эта подсказка, сразу бы «нет» прозвучало.

Теперь же если сомнения и есть, то в основном морально-этического и физиологического характера. То есть надо ли оно мне вообще, и если да, то все ли выйдет как надо технически? Нет, так-то осечек по этой части у меня не бывало, но то ведь с живыми. А эта хоть и симпатичная, но холодная как лед и вон сквозь нее так и не пропавшую серебристую дорожку на воде немного видно.

— Если ты мне откажешь, то я пропала, — немного застенчиво проговорила Аглая. — У каждой из нас есть только один шанс обрести покой. Любая русалка может позвать живого человека посмотреть наш последний летний танец, а после предложить ему лечь с собой. Он доброй волей должен согласиться сделать это. И если это случилось, то душа той русалки освободится от проклятия, что ее в реке держит. Но сделать такое русалка может только раз, второго шанса не будет.

— То есть? — уточнил я.

— Обратно в реку мне теперь нельзя, я же отказалась от подаренного мне посмертия. Так что утреннее солнце сожжет тело сразу же после восхода, — как-то очень просто пояснила Аглая. — А то, что от меня останется, будет до скончания веков мотаться по дорогам в виде пылевого вихря вместе с такими же бедолагами, которые никому не нужны. Но я на тебя зла держать не стану, если ты мне «нет» скажешь. Я же все понимаю. Да и себя жалеть не стану, это был мой выбор. Просто не хочу я больше в реке, не могу. Лучше вихрем по дорогам, чем...

Договорить я ей не дал, поскольку решение для себя принял. Правда, имелись поначалу все же кое-какие сомнения, но — не оплошал. Хотя, возможно, дело было еще и в пикантности происходящего. Шутили про интим с русалкой многие, но кто может похвастаться, что он у них на самом деле был?

Я вот теперь могу.

Закончилось, правда, все довольно неприятно. В какой-то момент лежащая подо мной девушка выгнулась дугой, ее тело, до того призрачно-бледное, на секунду налилось краснотой, а еще она охнула, но, что примечательно, не так, как предпола-

гал данный момент. Это, скорее, был предсмертный возглас. А секундой позже я понял, что лежу на чем-то склизком, мокро и пахучем.

Это были останки давным-давно сгнившего человеческого тела. Как видно, все, что осталось от русалки Аглаи.

Я вскочил на ноги и начал шустро отряхивать с себя какие-то зеленоватые ошметки, водяных жуков и прочих дурно пахнущий мусор.

В этот момент моих щек коснулся легкий ветерок, и я услышал еле различимый шепот:

— Свободна! Спасибо! Прими мой дар.

Сразу скажу — что за дар я от Аглаи получил, для меня так и осталось загадкой. Я и голову потом в воду засовывал, думал, что, может, дышать в ней смогу, и с рыбами пытался общаться — все впустую. Как оно раньше было, так и сейчас осталось.

Может, что путное могли бы мои приятели из отдела 15-К подсказать, да только им я про произошедшее рассказывать не стал. Ни к чему им про это знать. Это личное.

А потом мы вовсе в город вернулись, где нам всем не до того стало. Мне так точно. Штука в том, что к моей основной работе добавилась еще одна. Вот правду говорят — вслух иными вещами шутить не стоит. Сказанное может быть кем-то услышано и стать правдой.

В моем случае так и произошло.

ГЛАВА 2

О какой шутке я веду речь? О той, когда я сказал, что не пора ли открывать частную практику и делать деньги на нежданно-негаданно свалившихся на меня способностях.

Я тогда пошутил и забыл. А вот Ольга Михайловна, та, которая носит фамилию Ряжская, обо мне взяла и не забыла. Если точнее говорить — сработала цепная реакция. Ей про меня вдова Семена Марковича рассказала, а она, в свою очередь, дала на меня наводку своей подруге, у которой, как назло, серьезные проблемы нарисовались.

Причем, заметим, даже не с загробным миром проблемы. Со здоровьем. Казалось бы — где я и где здоровье этой гражданки?

Но кого бы это интересовало? Точнее, интересовало мое мнение.

Хотя — нет. Это я, пожалуй, вру. Ряжская действовала очень тонко и, я бы сказал, уважительно. Ну насколько подобное возможно по отношению ко мне, человеку не ее круга и не ее социальной прослойки. И не надо морщиться. Социальная дифференциация была, есть и будет, тут уж ничего не поделаешь. Даже наши дикие предки, те, что в пещерах жили и мамонтов гоняли, и те делились на группы по степени полезности для первобытно-общинного социума.

Другой разговор, как к этому относиться. Можно булькать, подобно чайнику, и исходить на яд, считая, что мир к тебе несправедлив, но при этом не делая ничего для того, чтобы что-то изменить. Еще можно пробиваться наверх, идя по головам и не жалея ни себя, ни других. Это путь воина, он тернист и опасен, но, пройдя его до конца, ты имеешь все шансы получить большую награду. Правда, не факт, что она обрадует тебя, к тому времени издерганного, измученного и окончательно потерявшего веру в человечество победителя. И наконец, можно просто определить свое место в системе мироздания, то, которое тебе идеально подходит и в битве за которое ты понесешь минимальные потери, а после с интересом наблюдать за первыми и вторыми. В последнем случае горних высей не видать, конечно, но нервы и здоровье сберечь можно.

Я, если честно, как раз из последних. По крайней мере, был еще в начале лета. То есть в мечтах, по дороге на работу или с нее, мне часто представлялся невероятный карьерный взлет, только вот делать для него вне грез мне ничего не хотелось. Потому как это было связано с массой разнообразных последствий, причем нежелательных. Как минимум — пришлось бы много трудиться, забыв о сне и покое, что меня не очень устраивало.

Офисная жизнь — она как река. Ее питают десятки или даже сотни ручейков, которые внешне вроде бы и неразличимы в общем широком и мощном потоке, но при этом они есть. За внешним благополучным и дружелюбным фасадом любой более-менее крупной организации скрываются такие драмы, что Шекспир, узнав сюжеты иных, удавился бы от зависти. Куда там его Гамлету и Макбетам, что их средневековые топорные

интриги против нынешних офисных многоходовок, иногда меняющих не то что штатное расписание, но и само лицо компании.

И если ты задумал занять место повыше своего теперешнего ранее того момента, когда шеф сам скажет что-то вроде: «А не засиделся ли у нас такой-то в своей должности? Пора бы и повысить парня», будь готов к тому, что мир для тебя уже никогда не станет прежним. Тебя ждут битвы почище чем в Гражданскую войну были. Друзья будут становиться врагами, бывшие недоброжелатели — временными союзниками, ты узнаешь про себя и людей, с которыми работал бок о бок много лет, столько всякого, что волосы не только дыбом встанут, а может, и вовсе на фиг выпадут.

Это не Спарта, приятель.

Это офис. Хуже того — российский офис. В нем законы бытия не писаны, а если и писаны, то не читаны. Это место, куда легко попасть, но из которого очень трудно потом морально выбраться. И даже если ты поменяешь работу, для тебя все равно уже ничего никогда не изменится. Этот яд проникает в каждую клетку твоего тела.

Ладно, отвлекся я.

Так вот — Ряжская.

Она появилась в банке ровно через час после того, как я туда сам заявился, бодрый и довольный жизнью после визита в Лозовку. Все-таки не так важно, сколько ты отдыхаешь, важно — как. Вот вроде бы всего-то два дня к выходным пристегнул — и чувствую себя великолепно. А бывает, и двух недель для восстановления угасших сил не хватает.

Раз на раз не приходится.

Вот, значит, сижу я, про себя хихикаю, рассказывая своим коллегам-девчулям про то, какую я знатную, прости господи, рыбину поймал третьего дня на утренней зорьке, и тут в кабинет влетает Волконский.

— Чего сидишь? — говорит. — Тебя Ольга Михайловна наверху ждет.

Будто я должен про это непременно знать.

Но внутри сразу неприятное чувство шевельнулось. Ясно же, что не просто так она меня ждет, не для вручения дополнительной премии за хорошо выполненную недавно работу. Нет,

премия — оно хорошо бы, конечно, вот только расчет был ей произведен полностью, и продолжения наших отношений в скором будущем вроде бы не предвиделось.

А лучше бы и вовсе их не было. Однако мои желания сроду никто не выполнял. Ими вообще редко кто интересуется.

— Саш, проси кабинет с окнами, — вдруг бухнула Наташка из-за своего стола. — Тебе теперь дадут. А сюда пусть вон «залоговиков» пересаживают. Их не жалко. Тем более что они все равно постоянно в разъездах. Или бухают. Им здесь даже лучше будет, чем наверху. Тут от начальства подальше, а к туалету поближе.

Сказано было смело. Если эти слова дойдут до ушей «залоговиков», то есть специалистов кредитного отдела, проверяющих залоги, которые потенциальные заемщики готовы были предоставить банку как обеспечение кредита, то мало Федотовой не покажется. Народ из этого подразделения славился беспощадностью и безжалостностью по отношению ко всем представителям рода человеческого, причем невзирая на лица. Работа у них такая. Сострадание к ближнему своему им неведомо, как и большинство других чувств, присущих разумному существу.

И — да. Бухали они по-черному, что есть, то есть.

— Федотова! — постучал пальцем по столу Волконский. — Что за разговоры?

— Тоже мне секрет этого... — Наташка пощелкала пальцами, которые были унизаны колечками. — Полушанеля.

— Полишинеля, — поправила ее Ленка, подкрашивающая глаза.

— Вот-вот, — благодарно кивнула Федотова. — Его самого. Дмитрий Борисович, все уже давным-давно знают, что Ряжский собирается в перспективе заходить в банк деньгами, причем сразу на контрольный пакет. А если уж наш Сашуля в дружбе с его женой, так чего бы нам этим не попользоваться?

— Кто «все»? — сменил тон с относительно добродушного на зловеще мрачный постепенно начинающий звереть Волконский. — Давай, отважная наша, фамилии мне назови этих «всех». Я, зампред, ничего, выходит, не знаю, а некие все и лично госпожа Федотова — знают. Ну?

— Здесь камер нету, — без тени смущения сообщила ему Наташка. — Так что эта речь Силуяновым засчитана не будет. И потом — чего ты взвился? Я же не место зампреда Сашку попросила для меня или Ленки выхлопотать, а кабинет с окнами. На твое кресло никто не претендует. Саш, ты же смещать Дмитрия Борисовича с поста не планируешь?

— Не язык, а помело, — пожаловался я Волконскому. — Даже как-то начинаешь думать о том, чтобы не нам на троих кабинет выпросить, а себе на одного. Как думаешь, Дим, такое возможно?

— Еще как возможно, — вместо него ответила Денисенкова. — На центральном этаже каморка есть, в ней ведра всякие хранят, тряпки, химикаты. Вот ее тебе и отдадут. А мы с Наташкой будем туда приходить и в тебя плевать, предателя эдакого.

— В самом деле — гад какой! — поддержала ее Федотова. — Мы тут, пока его нет, сами себе за едой в магазин ходили, вместо того чтобы над тобой, иудой, глумиться, друг над другом издевались — и на тебе. Вот она, благодарность за верность. Вот как истинное лицо иных разных вылезает наружу!

— Нет уж, Сашечка. — Денисенкова щелкнула косметичкой, встала из-за стола, подошла ко мне и взяла меня под локоток. — Мы с Натали твой пожизненный крест, так что неси его с достоинством и смирением. При чем неси в новый кабинет, с окнами. Я еще одну зиму без солнца не вынесу. Закахну, как цветочек без полива.

— И правда, мелют сами не знают чего, — вздохнув, признал Волконский. — Без какого солнца?

— Да хоть какого! — Денисенкова второй рукой, свободной от моего локтя, взъерошила мне волосы. — У нас тут окон нет, а день зимой короткий. На работу идешь — еще темно. С работы идешь — уже темно. О наличии белого дня на улице узнаешь только из новостей. Сашка, проси кабинет, тебе говорю. И тогда я знаю что для тебя сделаю? — Ее тон приобрел интимные оттенки.

— Боюсь представить, — поправил я галстук, а после по возможности мягко отцепил ее руку от себя.

— Я скажу всем, что твоя мужская сила соизмерима только с твоим же непостижимым для среднего ума чувством юмора. Совру, конечно, но что не сделаешь для родного человека.

— Чего это «совру»? — даже обиделся я. — Может, оно так и есть.

— Ну не буду же я проверять? — фыркнула Денисенкова. — Я за годы, проведенные с тобой в одном помещении, перестала в тебе видеть мужчину и начала видеть кого-то вроде родственника. Собственно, я тебя и созерцаю чаще, чем любую родню, по восемь — десять часов пять дней в неделю. А инцест — это не по моей части.

— Заметь, Сашка, я молчу, — сообщила мне Федотова и сделала губы сердечком. — И ничего такого не говорю. У меня просто моральных принципов меньше. А кабинет с окошечком в большой мир, полный свежего воздуха, очень хочется. Так хочется, что этих самых принципов вообще почти и не осталось!

— Пошли, — рыкнул Волконский и уволок меня из кабинета. — Или это словоблудие никогда не кончится. Да и Ольга Михайловна заждалась уже. Она тебя, между прочим, уже третий день разыскивает. Мы дозвониться пытались, но у тебя телефон отключен был.

Нуда, я его вырубил еще в электричке, рассудив, что все, кто меня может разыскивать, уже здесь, а все остальные, включая неугомонную Маринку, перебьются. Я вообще как-то проще в последнее время стал относиться к подобным вещам. Раньше, помню, если телефон сел где-то на улице, так я сразу начинал переживать, что кто-то может позвонить, а я это пропущу. Правда, как правило, никто не звонил, потому что я никому особо и нужен не был.

А теперь... Кому надо — тот меня найдет. А если не найдет — подождет. Вот Волконский же подождал? И кстати...

— Слушай, Дим, а откуда Ряжская узнала, что я на службу вышел? — невинно спросил я у зампреда.

— Я ей позвонил, — как нечто само собой разумеющееся сообщил мне Волконский. — Откуда же еще?

За что я люблю нашего зампреда, так вот за эту его простоту. И ведь не возмутишься даже. А что ему предъявишь? Он же не за спиной крысятничает, он же по-честному все мне сказал. И с его точки зрения он поступил абсолютно правильно.

Ряжская обосновалась все в том же ВИП-кабинете, она восседала в кресле, попивая кофе и беседуя с невысокой миловидной дамой, как видно подругой.

Была эта подруга моложе ее лет, наверное, на пятнадцать, но при этом выглядели они ровесницами. Просто у этой юной еще совсем женщины очень уж вид был бледный и болезненный.

— Ольга Михайловна! — голосом человека-праздника радостно гаркнул Волконский. — Вот и Смолин. Так сказать, доставил в целости и сохранности!

— Добрый день, — негромко произнес я, уже одним своим тоном давая понять женщинам, смотрящим на меня, что радости от нашей встречи я не испытываю. Подруга Ряжской, правда, мне знакома не была, но, по сути, это ничего не меняло.

— Саша, здравствуй. — Ряжская поставила чашечку на блюдечко, а блюдечко на стол. — Мы тебя заждались. Я уж хотела службу безопасности мужа подключать, так волновалась. Чтобы в наше время у человека мобильный телефон был выключен, это, знаешь ли, как маячок о чем-то нехорошем. Если бы сегодня не появился — дала бы им задание тебя разыскать.

— Да куда он денется, — задушевно произнес Волконский и приобнял меня за плечи. — Ольга Михайловна, смею вас заверить...

— Дмитрий, спасибо вам. — Ряжская выдала свою фирменную улыбку. — Думаю, что мы не будем далее воровать ваше время. Я знаю, сколько вы делаете для этого банка, знаю, что он, по сути, заменил вам дом и семью, и очень ценю это. Как и мой муж, с которым я этот вопрос уже обсуждала. Кстати, подробности о вашем трудолюбии мне стали известны благодаря Александру. Он, знаете ли, считает вас не просто коллегой, а своим другом, а потому много и искренне о вас рассказывал.

Щеки Волконского покраснели, а аристократический нос побелел. Оно и понятно — ему только что дали понять, что если кадровые перестановки и будут, то его они точно не коснутся. А может, даже он еще и в плюсе окажется.

Ну и мне она вроде как тоже оказала услугу. Нет, Волконский, естественно, понял, что ничего я Ряжской не говорил, но читать между строк умеет любой из офисных обитателей. Больше того, здесь без этого умения существовать очень сложно, не сказать — невозможно. Тут никто ничего напрямую не говорит, все на полутонах строится и на полунамеках.

Волконский, например, владел этим талантом в совершенстве, потому самый главный посыл слов Ольги Михайловны распознал верно.

— Пойду, — тактично заметил он, покидая кабинет. — Утро, дел полно.

И аккуратно притворил за собою дверь.

В кабинете установилась тишина. Ряжская смотрела на меня с улыбкой, ее спутница с настороженностью и даже, как мне показалось, с небольшим испугом, я же вовсе ни на кого смотреть не хотел, потому уселся в кресло и уставился в окно.

Права Наташка. Все-таки сидеть в четырех стенах без доступа солнечного света — это для человека противоестественно. Даже если он уже и не совсем человек.

— Сейчас лопнешь, — иронично сообщила мне Ряжская. — Я серьезно. Ты просто себя со стороны не видишь.

— Не выспался, — буркнул я. — Вчера домой приехал поздно, устал. А на работу мне приходиться надо ни свет ни заря.

— Саш, это Зоя. — Ольга Михайловна показала рукой на свою спутницу. — У Зои большие проблемы.

— Всей душой скорблю с вами, Зоя, — приложил я руку к сердцу и глубоко вздохнул. — Мои соболезнования. Увы, но мы все когда-нибудь уйдем туда, откуда возврата нет. Никому и ничему нет!

— Ольга Михайловна, это он о чем? — Глаза Зои наполнились слезами. — Это он мне смерть предсказывает, да? Смерть? — Голос подруги Ольги Михайловны истерически задрожал.

— Саша! — погрозила мне пальцем Ряжская. — Ты что мне девушку пугаешь?

— Вот сейчас не понял, — перевел я взгляд на нее. — Так у нее чего, никто не помер?

Зоя издала полувсхлип-полустон, из глаз у нее потекли слезы.

— Нет. — Ряжская достала из рукава кружевной платочек и сунула его подруге. — Представь себе. Но если ты продолжишь вот так ее нервировать, то я ни за что не поручусь. Особенно учитывая то, кто ее родной брат.

— Боюсь спросить, — вздохнул я.

— Звонарев, — произнесла Ольга Михайловна, сделав бровями некое движение из разряда «Представьте себе, представь-

те себе». — Тот самый, который охранные агентства, «Ваша инкассация» и прочее разное.

Знаю, слышал. Еще, по слухам, этот самый Звонарев поставляет бойцов на подпольные бои, «отбойщиков» рейдерским компаниям и просто крепких ребят всем тем, кто способен заплатить за их кулаки. Знаменитая личность. Причем слава его еще с лихих девяностых тянется.

И да, доводить до истерики сестру такого человека — это верх неблагодарумия. Подобное может сильно выйти боком. И потерянными зубами. И сотрясением мозга. Или еще чем похуже. В человеческом теле порядка двухсот костей, так что ребятам со сбитыми костяшками будет где разгуляться на моей тушке.

Будь ты хоть трижды ведьмак, против нескольких профессиональных костоломов тебе все одно не устоять, особенно если тебя подловили внезапно.

Ну и хитра эта Ряжская. Ох и хитра. Точнее — умна. Она ведь сейчас не просто подруге помогает, она меня приручает. Хотя это не то слово. Правильнее — дрессирует. Кнут и пряник. А потом: «К ноге».

Ладно, пусть пока будет так, как она хочет. Тем более что сейчас у меня особо выбора и нет, этой бледной девице я и впрямь не могу отказать. Ряжская не шутит: если я сейчас взбрыкну, она из принципа может сделать так, что господин Звонарев уже сегодня скамандует «фас» своим волкодавам.

Но это ничего не значит. Память у меня профессиональная, так что я в ней заручбочку сделаю. И непременно при случае расплачусь по этому счету.

Не надо так со мной поступать. Я даже до того, как силу получил, не сильно любил, когда мной манипулируют. А уж теперь, после всех летних треволнений и проказ хитроумного Нифонтова, и вовсе выхожу из себя в подобных ситуациях.

Правда, особо этого не показываю. Нет, тогда на съемках я сорвался, высказал Николаю все, что о нем думаю. Сейчас и здесь я так не поступлю, я промолчу. Не время и не место.

Но это не значит, что я забуду то, что Ряжская сейчас сделала. И в какой-то момент ее будет поджидать сюрприз. Не знаю пока какой, но в моей ведьмачьей книге много разного всякого есть. Может, это случится через месяц, может — через год.

Я умею ждать, когда это необходимо. Что-что, а это-то я как раз умею делать очень хорошо. Главное — не спешить и дожидаться нужного момента, наиболее оптимального для реализации задуманного. Вот наш предправ, например. У него рожу перекосило зверским образом тогда, когда меня на работе уже не было. Я в тот день как раз отбыл в Лозовку. Как мне рассказали Наташка и Ленка, он своим внешним видом до судорог перепугал личного референта и забредшую к нему в приемную по каким-то своим делам Чиненкову. Причем последняя чуть в обморок от увиденного не грохнулась, когда поняла, что наш руководитель не шутики шутит, а так теперь на самом деле выглядит.

Сидит теперь Сергей Станиславович дома, на работу носа не кажет и большие деньги тратит на разнообразных мануальщиков и тому подобных специалистов. Он думает, что это у него нерв лицевой схватило от непомерных интеллектуальных потуг.

А всего-то для проведения этой акции возмездия и надо было знать то, что секретареныш его лентяйка каких свет не видел. При чем тут это? Просто она утром его личную турку для приготовления кофе лишний раз мыть не будет. А значит, в кофе нашего лидера непременно попадет зелье, которым я обмажу ее края. То самое зелье, что Митрий придумал, от которого «рожу же сковеркает тако, что страх».

Все так и вышло. И «сковеркало», и страх имел место быть.

Я всегда свое слово держу. Пообещал ему соли на хвост насыпать — получите и распишитесь.

И Ряжской того же не миновать теперь. Вот если бы она просто пришла и сказала: «Если сможешь — помоги», возможно, я бы и не послал ее. Как минимум — выслушал. В конце концов, деньги лишними не бывают. Но так-то зачем? Я не карманный маг при ее империи.

Кстати, красиво было бы к ней ее мамашу послать. Не поговорить, а постращать, я в книге недавно одно интересное заклятие вычитал на эту тему. Оказывается, неупокоенные души можно на некоторое время подчинить себе, заставив их выполнять то, что тебе хочется. Нет, никакой материальной выгоды получить из этого невозможно. Банк они для тебя не ограбят и человека не убьют, ибо призраки бесплотны. Но вот что-то

подслушать, подсмотреть, кого-то напугать они могут замечательно.

Мне просто снова с Хозяином кладбища, где лежит ее матушка, связываться неохота, а то бы я расстарался. Заклятие действует не очень долго, но пару часов веселья и загробных завываний я бы Ольге Михайловне гарантировал.

Но — пока никак. И до души ее маменьки мне не добратся, да и сообразит Ряжская, откуда ветер дует. Не с руки мне с ней сейчас ссориться. Неравные у нас весовые категории. Уроет она меня, проще говоря, за такие вещи. В прямом смысле слова.

— Прошу прощения за каламбур — звонкая фамилия, — наконец ответил я. — Вот только непонятно, чем я могу быть полезен этой даме. Особенно если учесть, что у нее, слава богу, никто не умер.

— Саша, — Ряжская умильно вздохнула, — я ведь знаю, ты способен не только на то... э-э-э... на что способен. У тебя ведь и других талантов много, правда?

— В пинг-понг неплохо играю, — подтвердил я. — Первый юношеский. В детстве в хоре пел, говорят — хорошо. Правда, потом у меня голос начал ломаться...

— Александр, мне казалось, что мы еще в прошлый раз прекрасно поняли друг друга. — В голосе Ряжской появились жесткие нотки. — А ты, как я погляжу, снова начинаешь валять дурака.

— Все так, — кивнул я. — Полностью согласен. И мне казалось, что в прошлый раз мы прекрасно поняли друг друга. Однако же мы снова здесь, в этом кабинете, и вы опять требуете от меня того, что я не в состоянии вам дать.

— В состоянии, — отчеканила Ряжская. — Ты — в состоянии. Я это знаю, и ты это знаешь. И мне совершенно непонятно, почему ты сейчас снова упрямисься. В конце концов, я не прошу у тебя невозможного. Мне не нужна звезда с небес, точные координаты никем не открытой кимберлитовой трубки в Якутии или свержение политического строя в России. Я просто прошу тебя помочь вот этой несчастной девочке, которая скоро на себя руки наложит от безнадёжности. Причем, заметь, не без выгоды для тебя. Материальной выгоды.

— Да-да, — засутилась Зоя, шмыгая покрасневшим носиком. — Деньги у меня есть.

Она извлекла из своей сумочки плотный конверт и положила его на стол, прямо передо мной.

Я закинул ногу на ногу и уставился на Ряжскую, стараясь при этом не мигать. Ну и еще придать взгляду некую зловещесть.

— Будем считать, что мы договорились, — не обращая на это внимания, произнесла Ольга Михайловна. — Саша, у Зои, как я и сказала, проблема. Она не может забеременеть.

— Кхмммм! — не выдержал я и закашлялся. — Чего? А я-то тут чем помочь могу? Это вам к докторам специальным надо, в репродуктивные центры! Анализы там посдавать. ЭКО, наконец, сделать!

— А ты неплохо осведомлен, — прониклась Ряжская. — Редко увидишь мужчину, который знает, что такое ЭКО.

— Я работаю в женском коллективе, так что ничего удивительного. Посидите с мое в компании с двумя балаболками, не такое узнаете.

— Была, — жалобно сообщила мне Зоя. — В клиниках лежала, и в наших, и в швейцарских, и в австрийских. Говорят — нет, не получится у вас ничего. Природой материнство во мне не заложено. Муж... Он...

И подруга Ряжской снова захлюпала носом.

Ну дальше понятно. Муж вот-вот уйдет, и ему даже брат не указ.

Самое забавное, что помочь я ей, скорее всего, могу. Рецепт соответствующего зелья у меня в книге есть, причем сильно старый, он еще чуть ли не на старославянском написан. И компоненты для него есть, даже мандрагыр. Я его из Лозовки как раз привез, мне Родька этот небольшой кусочек корня как величайшую ценность вручил. Кстати — в мой прошлый визит он этого делать не стал, а теперь, как видно что-то для себя решив, показал мне все секретные закрома своего бывшего хозяина.

Опять же — новолуние скоро. Насколько я помню, там не только зелье важно, но и то, когда и как женщина его употребит. Пить его следует как раз тогда, когда от луны на небе останется только самая малость, и непременно в полночь, после чего

без промедления необходимо... Ну, думаю, все поняли, что именно необходимо. При соблюдении этих условий шансы на успех велики.

Можно все это проделать и при других фазах луны, но тут уже как повезет. В мандрагуре сила велика, но от луны зависит очень, очень многое. По крайней мере, именно так написано в книге.

— Я знаю, о чем ты думаешь. — Ольга Михайловна, не особо скрываясь, следила за мной. — Саша, поверь, я не стану дергать тебя после этого по каждой мелочи. Мне правда очень хочется помочь Зое. Она моя давняя подруга, я ее с детства знаю. С ее детства. Мой муж и ее брат давние партнеры по бизнесу, они еще тогда, в том веке, вместе начинали. Ты даже не представляешь, как это сплачивает людей, особенно в нашей стране. Поэтому Зоя мне как родная, и ее счастье для меня очень важно.

Возможно, она и не врет. Точнее — не во всем она врет, полагаю, что ей в самом деле небезразлична судьба этой девушки. Но в приоритете у нее другие цели, и сегодня она все-таки добьется успеха.

Просто «за» сегодня перевесили для меня «против». Отказавшись, я потеряю больше, чем могу приобрести. К тому же мне в голову пришла одна интересная идея, которую потом надо будет как следует обмозговать.

— Помогите мне, — жалобно пробормотала Зоя. — Пожалуйста. Не знаю почему, но мне кажется, вы можете это сделать.

— Кабинет, — буркнул я, забирая конверт со стола. — С окнами. На троих. И еще чтобы место для шкафа было и ксерокс новый. И кулер! А еще кондиционер, тоже новый.

— Чего? — Зоя, захлопав глазами, уставилась на Рязскую.

— Чего-чего, — заулыбалась довольно та. — Думаю, что родишь ты к следующему лету.

В новый кабинет мы с девчулями въехали уже на следующий день. Правда, отжали его не у свирепых «залоговиков», а у «эс-вэкашников», порядком их потеснив.

Что же до моих прогнозов на наши отношения с Рязской — все вышло именно так, как я и предполагал. Точнее, пока не все, но лиха беда начало. Раз в неделю, а то и чаще она привозила ко мне кого-то из своих подруг, рассказывала душещипате-

льную историю о бедственном положении этой дамы и просила помочь ей. Пока просила, не требовала, но это, полагаю, дело времени. Вот сегодня, например, она сама уже приезжать не стала, а всего лишь позвонила мне, сказав, что к половине шестого вечера ко мне придет некая Яна Феликсовна, что это чудо что за человек и что ей ну никак не обойтись без меня.

И вот теперь я объяснял этой самой Яне Феликсовне, что приворот — это совсем уж не мой профиль, поражаясь хитроумности Ряжской. То, что она исследует пределы моей компетентности, я понял уже давно, поскольку случаи, которые мне она подбрасывала, никогда не повторялись. Но ради правды стоит отметить, что это было даже интересно, поскольку всякий раз я сталкивался с новой загадкой и вечерами подолгу экспериментировал с травами, добываясь нужного результата.

Да и небезвыгодно, чего греха таить.

— Молодой человек, мне не нужно объяснять, что вы можете сделать, что нет, — довольно резко сказала женщина, причем голос ее звучал теперь на редкость неприятно. — Я вам плачу, так что будьте любезны!

Интересно, а у нее муж кто? Впрочем, чисто по-мужски я его отлично понимаю. От такой и я бы сбежал. Нет, внешне дама очень даже ничего, и фигура для ее возраста на загляденье, но характер — это что-то!

Хотя — а кто мне мешает свалить отсюда прямо сейчас? Тем более что, пока тянулись суд да дело, и рабочий день кончился. Домой пора.

— Разве вы мне давали какие-то деньги? — вставая, спросил я у женщины. — Не было такого. И мне они от вас не нужны, потому что я не стану вам помогать. Всего доброго.

— Что? — непонимающе спросила женщина у моей спины. — Ты куда? А ну вернись!

Но этого я делать вовсе не собирался. И вообще — интересно посмотреть, как на подобный демарш с моей стороны отреагирует Ряжская. Она исследует меня, а я немного поисследую ее. В хорошем смысле этого слова.

Судя по пиликающим звукам, Яна Феликсовна спешно набирала свою подругу, но подслушивать ее разговор с Ольгой Михайловной я не стал. И в самом деле пора было идти домой.

И ведь удалось бы мне это сделать, кабы не Силуянов.

ГЛАВА 3

Безопасник ждал меня в коридоре, неподалеку от моего нового кабинета. Он ласково улыбался и даже раскинул руки в стороны, показывая, как мне рад.

— Смолин! Ты не поверишь, но у меня есть к тебе разговор!

— Давайте завтра? — предложил я. — Домой хочется. Подальше от офиса, поближе к телевизору и холодильнику.

— Сашуля, дорогой ты мой человечек! — буквально пропел безопасник. — Это банк! Здесь рабочий день ненормированный, если того требуют интересы дела. А в твоём случае они этого ох как требуют!

— В моём случае нет, — заявил я. — Хотелось бы напомнить, Вадим Анатольевич, что мы с вами работаем в разных службах. Если у вас есть какие-то вопросы, связанные с противодействием отмыванию доходов и финансированию терроризма, — то нет проблем. А если вы хотите на мне свое остроумие пооттачивать и немного потоптаться — так это дудки.

— Осмелел. — Улыбка сползла с лица Силуянова. — Что, уверенности в себе прибавилось? Самооценка повысилась?

— Не-а, — покачал головой я. — Просто понял, кого на самом деле опасаться надо, а кого нет. Вас не надо. Смысла нет.

Причем все сказанное и в самом деле было правдой. Чем дальше, тем больше у меня в голове смещались ориентиры, до того казавшиеся незыблемыми. Того же Силуянова я еще каких-то три месяца назад разве что не демонизировал, полагая всемогущим и всевидящим. Насчет последнего, впрочем, я был прав — камер он понатыкал везде, обойдя стороной только те помещения, где они были совсем уж ни к чему, вроде нашего старого кабинета или туалета. Хотя за это не поручусь.

А потом я так поглядел, подумал — а чего в нем такого страшного? Бродит по банку какой-то отставной служака и тешит свои комплексы, манипулируя людскими страхами. При этом по сути своей он никто. Ну вот что он сделать может? Накатать предправу пяток докладных? Пальчиком погрозить? Чужими руками рублем ударить?

Вот жуть-то! Нет, для меня тогдашнего подрезание зарплаты было бы крайне неприятно, но для меня сегодняшнего это даже не смешно.

А Силуянов молчал и смотрел на меня. Нехорошо так смотрел. Неудобно.

— Много о себе понимаешь, Смолин, — наконец процедил он. — И берешь на себя тоже много. Банк в свою частную лавочку превратил. Не страшно, что кое-кто узнает, какие ты тут делишки проворачиваешь?

Хотел я ему кое-что ответить, да не успел. Телефон забренчал в кармане. Дозвонилась Яна Феликсовна до Ряжской, стало быть.

— Александр! — Голос Ольги Михайловны был резковат, на мой взгляд. Что за день сегодня такой, а? Все на меня бедного наорать пытаются. — Что ты там устроил?

В это время Силуянов показал мне рукой, что, мол, «давай, в кабинет мой пошли», и бодро затопал по коридору. Не скажу, что мне хотелось продолжать беседу с ним, но, с другой стороны, откажешь сейчас — он завтра занудит до невозможности. Легче пойти и пообщаться. Будем считать, что сегодня у меня день неприятных бесед.

— Отказался делать то, чего не хочу, — добавил холода в свой голос я, направившись вслед за безопасником. — И еще — я прекрасно понимаю мужа этой гражданки. Я бы от нее тоже сбежал.

— Это очень нужный нам человек, — требовательно произнесла Ряжская. — Будь любезен, сделай то, что она просит.

— Кому «нам», госпожа Ряжская? — уточнил я. — Вот конкретно? Вам и вашему супругу? Вам и банку? Вам и Фонду защиты диких животных? Это все прекрасно, но меня ни в одном из этих списков нет. Мне эта женщина даром не сдалась. Ни в каком виде. Так что будет так, как я решил, и это не обсуждается.

Все-таки каким-то я конфликтным стал, надо признать. Вот раньше бы подумал: да и ладно, чего нарываться, сделаю уж. И — сдался бы, махнув рукой. А теперь — откуда что берется?

Правда, раньше мне было что терять. Теперь же другой расклад. Вот говорят «не в деньгах счастье». Может, отчасти это и верно. Счастья на них не купишь. Но вот независимость — запросто. Я за последние два месяца себе неплохой резервный фонд сообразил, если что, долго на этом подкожном запасе смогу существовать.